

И. А. ГОНЧАРОВ, П. А. ВАЛУЕВ И КАМПАНИЯ ВСЕПОДДАННЕЙШИХ ПИСЕМ 1863 ГОДА*

В начале 1860-х годов новый министр внутренних дел Петр Александрович Валуев начинает реформы в Министерстве с того, что пытается преобразовать правительственный ежемесячник «Вестник МВД» в современную ежедневную газету.

Валуев задумывал «Северную почту» как авторитетный источник официальной информации. В циркуляре начальникам губерний от 3 февраля 1862 года сообщалось, что «издание <...> предпринято Министерством внутренних дел с целью устранить в публике те превратные толкования и недоразумения, которые проистекают частью от недостатка или несвоевременности точных известий о ходе правительственных распоряжений, частью же от несоответствующего истинным потребностям государства и видам правительства направления некоторых органов нашей прессы».¹

Хотя «Северная почта» по ведомственной принадлежности была полицейской газетой, Валуев задумывал ее как масштабное издание с определенным политическим направлением, причем отнюдь не консервативно-охранительным. Об этом косвенно свидетельствует дневник А. В. Никитенко, ее первого редактора. Например, 25 декабря 1861 года Никитенко записывает: «Откровенно спросить у Валуева: уверен ли он в том, что сам не встретит противодействия в либеральных видах, в которых должна издаваться газета».² В состоявшемся вскоре разговоре с Валуевым Никитенко высказал мнение, что направление газеты «не может быть иное, как умеренно-либеральное».³

Позднее, излагая свои намерения перед вступлением в должность главного редактора, Никитенко напишет: «По моему плану она должна была быть соединением лучших правительственных идей с идеями разумного прогресса, которые правительству предстоит не только признать, но и выполнить. Ее направление и содержание должны бы быть таковы, чтобы лучшая часть публики ее поддерживала, а она в свою очередь на нее влияла бы. Сознывая за собой независимый образ мыслей, не принадлежа ни к какой литературной партии, не разделяя крайних увлечений общества, но всей душой преданный делу разумного прогресса и предстоящих необходимых преобразований, я с радостью взялся за дело, которое казалось мне таким многообещающим».⁴

И. А. Гончаров, ставший главным редактором в октябре 1862 года, в программной записке «О способах издания „Северной почты“» также был далек от охранительной риторики, напротив, рассуждал скорее в либерально-разоблачительном ключе. Писатель выражал уверенность в том, что газета под его руководством не будет льстить правительству, не станет умалчивать о «неудобных» событиях, скрывать настоящую статистику смертей, неурожаев и т. п., что свойственно было таким официальным изданиям, как «Северная пчела» и «Русский инвалид». «Успех газеты, — писал Гончаров в упомянутой записке министру внутренних дел П. А. Валуеву, — <...> много будет зависеть от той степени гласности, какая допущена будет в публичном заявлении о многих делах и событиях, которые хранились под печатью молчания, о совершившихся и грядущих реформах, словом, обо всем том, что входит в сферу деятельности обширнейшего и важнейшего из министерств. Господин министр изъявил согласие

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Государство и институты литературы: от реформ Петра I до „Великих реформ“», № 18-312-20003.

¹ РНБ. Ф. 37. № 139. Л. 1.

² Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста, вступ. статья и прим. И. Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 2: 1858–1865. С. 235.

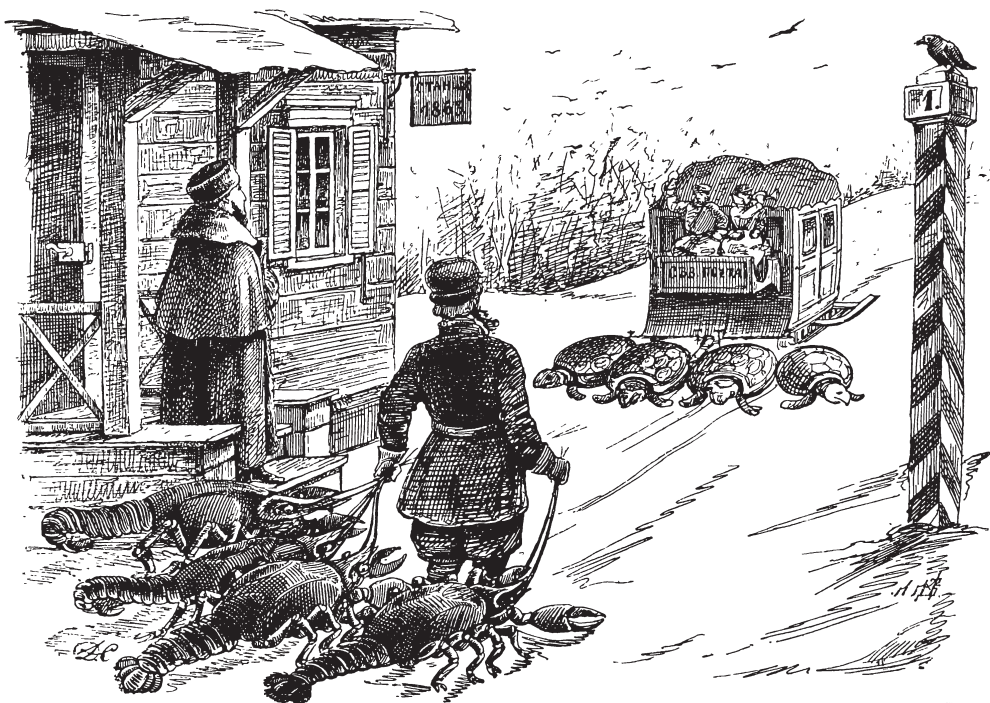
³ Там же. С. 236.

⁴ Там же. С. 312–313.

сообщить газете тот характер, который мог бы не только дать ей огромный вес и значение в России, но и сделать ее заметной в Европе газетой».⁵

Однако до конца 1862 года изданию, очевидно, не удастся достичь заявленных амбициозных целей. Основное его содержание составляют официальные сообщения, статистическая информация, извещения о происшествиях в губерниях. Гончаров в декабре напишет о «Северной почте»: «Эта газета не для чтения, а для узнания официальных новостей и кое-каких статистических сведений».⁶ Никитенко в дневниковой записи от 23 января 1863 года перескажет разговор с сотрудниками редакции: «Все участники газеты сетуют на то, что она теперь пошла по стезе полицейской газеты, и упрекают Валуева за то, что, намереваясь сначала создать в ней орган правительства с влиянием на общественное мнение, он потом спустил ее так низко».⁷

Мнение публики о состоянии газеты «Северная почта» к концу 1862 года иллюстрирует карикатура,⁸ изображающая почтовую станцию «1863 год», к которой подъезжает возок с надписью «Северная почта», запряженный черепахами, а станционный смотритель готовится впрячь в повозку раков.

(1863 г., № 7).

Малый общественный интерес к газете, представление о ней как о скучном, бессодержательном издании стали, по-видимому, одной из косвенных причин и незначительного исследовательского интереса к этому периоду биографии Гончарова. Время

⁵ Цит. по: Ковалев И. А. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 138–139.

⁶ Суперанский М. Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии. II. Письма И. А. Гончарова к Кирмаловым и Музалевской // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 431 (из письма И. А. Гончарова Д. Л. Кирмаловой от 5 декабря 1862 года).

⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 312.

⁸ Впервые опубли.: Заноза. 1863. № 7. Без паг.

его редакторства в «Северной почте» принято считать творчески непродуктивным,⁹ из напечатанных в газете в 1862–1863 годах текстов до последнего времени писателю были атрибутированы единичные статьи.

Между тем в первой половине 1863 года в содержании и политической позиции «Северной почты» происходят изменения, связанные с необходимостью освещения в печати Польского восстания. В этот период перемены происходят во всей русской прессе. Значительное место в периодических изданиях начинают занимать «польские известия», хроника военных действий, статьи патриотического содержания. Всеобщий патриотический подъем подогревают такие газеты, как «День» И. С. Аксакова и «Московские ведомости» М. Н. Каткова. «Северная почта» в качестве правительственного издания выражала официальную точку зрения на события, которая долгое время оставалась сдержанной. Ни направление газеты, ни личные и общественные убеждения ее главного редактора и идейного вдохновителя (Гончарова и Валуева) не предвещали, что «Северная почта» окажется на переднем крае пропагандистской войны, в авангарде патриотического движения, и практически возглавит его. Но случилось именно так.

В первой половине 1863 года в «Северной почте» значительно возросло количество перепечаток из славянофильских изданий и число собственных патриотических статей. Это отражало общественные настроения, но даже в этот период союз славянофила Аксакова и «космополита» Валуева, которого постоянно обвиняли в симпатиях к немцам, полякам и остзейцам, казался странным.

Объяснение этому парадоксу, как представляется, можно найти в известной патриотической кампании «всеподданнейших писем».

Начиная с марта «Северная почта» регулярно помещает на своих страницах всеподданнейшие письма на высочайшее имя, в которых представители разных социальных групп населения Российской империи выражают верноподданнические настроения и готовность к любым жертвам ради спасения Отечества. Публикация писем занимает значительное место в газете, восполняя недостаток оригинальных материалов о Польском восстании. Письма перепечатывают и другие периодические издания. Количество писем так велико, что в мае 1863 года некоторая их часть выходит отдельной книгой,¹⁰ но публикации в «Северной почте» продолжают и впоследствии.

Начало кампании совпадает с резким обострением международной политической ситуации, в частности с ультимативными требованиями ряда западных стран пойти на уступки полякам и возникновением угрозы нового военного столкновения России с европейскими державами.

Первое такое письмо — всеподданнейший адрес дворянства Санкт-Петербургской губернии — опубликовано в «Северной почте» 27 марта:

«Всеавгустейший Монарх!

Дворянство С.-Петербургской губернии, движимое вековой любовью к престолу и отечеству, священным долгом считает торжественно выразить пред Вами, Государь, чувства, коими оно преисполнено.

Вызванные польскими смутами притязания на достоинство России возбуждают в нас и скорбь, и негодование.

Завистники наши мнят, что время преобразований, предпринятых Вами для пользы и преуспевания государства, благоприятствует их замыслам на всецелость русской державы.

Но тщетны были бы их покушения!

Испытанное в преданности и самоотвержении дворянство, не щадя сил и жертв, в тесном союзе со всеми сословиями, твердо и непоколебимо станет на защиту пределов империи.

⁹ См., например: *Гейро Л. С.* «Сообразно времени и обстоятельствам...»: (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 123.

¹⁰ Всеподданнейшие письма, поднесенные Государю Императору Александру II с 26-го марта по 4 мая. СПб., 1863.

Да узнают враги России, что живет еще в нас тот мощный дух предков, коим создано государственное единство любезного нашего отечества».¹¹

Выступая на заключительном заседании собрания дворян Санкт-Петербургской губернии, военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга А. А. Суворов сказал об адресе следующее: «Голос этот, раздавшийся впервые, как и следовало, в столице, разнесется по всей русской земле и отзовется общим сочувствием и восторгом».¹² Нечего говорить, что его «пророчество» очень скоро сбылось. 4 апреля «Северная почта» опубликовала всеподданнейший адрес Санкт-Петербургского городского общества. 8 апреля были поданы письма от псковского дворянства и от Ярославского и Рязанского городских обществ. А потом письма пошли практически непрерывным потоком.

Приведем некоторые примеры:

«От тульского оружейного общества

Августейший Монарх!

Восстание в Польше и недружелюбные вмешательства в дела царства русского извне грустно отозвались в сердцах и тульских оружейников. Эти смуты тревожат и нарушают Твое, Государь, спокойствие, которое дорого для каждого русского; они мешают Твоим заботам во внутреннем устройстве царства.

Государь! Оружейники свою долю преданности престолу и отечеству всегда несли с любовью и никому ее не уступали; отцы и деды наши в Отечественную войну 1812 года, вместо личных жертв от прочих сословий, готовили день и ночь оружие; примеру их следовали и мы в последнюю Крымскую войну. Заявляем и теперь пред Богом и целым светом, что по одному Твоему державному слову обратим все свои дома и хижины в мастерские для дела оружия на отражение врагов.

Располагай, Великий Государь, нашими трудами и силами, мы готовы на все жертвы для Тебя — Отца народа.

Вашего Императорского Величества верноподданные.

(Следуют подписи).¹³

«От пензенского городского общества

Всеавгустейший Монарх!

Миллионы сердец в Твоей великой державе выразили готовность к защите священных прав отечества и Твоего престола против мятежных восстаний царства польского, поддерживаемых многими недоброжелателями и завистниками нашего возлюбленного отечества.

Мы, пензенские граждане, руководимые общею скорбью и негодованием, возбужденными в нас замыслами врагов России на всецелость Русской державы и движимые вековою любовью к престолу и отечеству, спешим выразить свою готовность по первому Твоему призыву жертвовать всем достоянием нашим и даже жизнью на защиту священных прав Твоих и нашего отечества. Молви слово, Государь, и мы все до единого свято исполним то, что нам укажет Твоя державная воля.

Вашего Императорского Величества верноподданные.

(Следуют подписи).¹⁴

На официальном уровне существование правительственной инспирации, разумеется, отрицалось. Но даже беглое чтение писем, действительно весьма многочисленных, позволяет с очень высокой степенью вероятности предположить, что кампания верноподданнических писем была хорошо продуманной и управляемой правительственной акцией.

¹¹ Северная почта. 1863. 27 марта. № 68. С. 269.

¹² Там же.

¹³ Там же. 17 мая. № 107. С. 432.

¹⁴ Там же. С. 431.

Письма структурно и стилистически однородны, в них повторяются одни и те же одинаковые риторические ходы, схожие мотивы (например, коварство поляков, поднявших мятеж вскоре после освобождения крестьян и надеявшихся на недовольство помещиков реформами); авторы писем обращаются к исторической памяти народа, к событиям Смутного времени, Отечественной войны 1812 года, вспоминают Минина и Пожарского, героев французской кампании и т. п. Как отмечает современная исследовательница, в письмах преобладали «трафаретные формулы, клишированная фразеология и традиционные патриотические символы».¹⁵

Количество и разнообразие социальных групп, от имени которых направлялись письма, создавали впечатление, что все население России, независимо от сословной, профессиональной, национальной или религиозной принадлежности, единодушно выражало свои верноподданные чувства. Письма подписывали дворянские собрания, городские общества, купцы и мещане из столицы и из самых отдаленных уголков; временнообязанные крестьяне, казаки, различные профессиональные сообщества (например, тульские оружейники или собрание московских ямщиков). Любопытно, что в числе авторов всеподданнейших писем были представители потенциально неблагонадежных социальных групп: население охваченных восстанием и близлежащих территорий, студенты, старообрядцы, инородцы, а также русские, живущие за границей. Об организованности процесса косвенно может свидетельствовать и большое количество писем от дворянских собраний. Правительству было важно продемонстрировать, что в сложной для страны ситуации дворяне сохраняют безоговорочную верность престолу, несмотря на разнообразные свидетельства недовольства дворян реформой 1861 года. Массовый характер кампании поразителен еще и потому, что такое проявление общественного мнения не было в ходу — вопрос о допустимости и даже легитимности обращений на высочайшее имя интенсивно обсуждался на рубеже 1860-х годов.¹⁶

Газета «Северная почта» уделяла значительное место публикации всеподданнейших писем, но все же не могла вместить все. Поэтому часто публикации выглядели следующим образом: одну или две газетных полосы занимали тексты писем, а далее следовал перечень писем, которые были с благодарностью получены императором, но опубликовать которые не хватило места. Так, в прибавлении к номеру от 22 апреля был опубликован занявший целую полосу с лишним перечень представивших письма территорий и обществ Минской губернии.¹⁷

С принуждением к подписанию писем было связано несколько скандалов. Например, в печать попала история с отказом гельсингфорского муниципального совета подписывать пришедший из Петербурга адрес, а также образцы адресов от крестьян, разосланные Министерством внутренних дел по всем уездам Западного края.¹⁸ «Не уметь остановиться вовремя, не знать меры — страшный недостаток в государственном щеголе, как Валуев. Пошлая комедия адресов доходит не только до скучного и смешного, но до отвратительного и гнусного, до открытого вымогательства в Финляндии, до угроз и тюремного заключения в западных губерниях», — писал Герцен.¹⁹

Опубликованные в «Колоколе» разоблачения и секретные документы МВД убеждают в том, что именно Валуев был организатором кампании всеподданнейших писем. По крайней мере, для Герцена никаких сомнений в этом не оставалось: «Россия представляет огромный политический клуб, губернские города — *foyers*, в которых отчаянные патриоты <...> объявляют войну Европе и обещают поддерживать трон против нескольких *шаек* польских повстанцев. Дворянские собрания, градские думы,

¹⁵ Майорова О. Е. Образ нации и империи в верноподданнейших письмах к царю (1863–1864) // И время и место. Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 358.

¹⁶ См. об этом: Нардова В. А. Законодательные документы 60-х годов XIX века об адресах на высочайшее имя // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 253–282.

¹⁷ Северная почта. 1863. 22 апр. № 86. Прибавление. С. 1–2.

¹⁸ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 17. С. 169, 174, 188, 422, 486.

¹⁹ Там же. С. 174.

сельские управы, предводители, казаки, университеты, ямщики — все население <...> пишет адреса по валуевским прописям. Это движение, распространяясь далее и далее, выходит из всех границ — ума, смысла, приличий, географических пределов — и, как дальний, усталый раскат грома, оканчивается 54-мя подписями русских путешественников и четырьмя студентами, поддерживающими в каком-то немецком захолустье подписками трон, алтарь... и свою будущую карьеру...».²⁰

Смысл этого пропагандистского действия, «адресоложства»,²¹ по выражению Герцена, вроде бы совершенно очевиден: формирование единого общественного отношения к событиям Польского восстания, демонстрация странам Западной Европы патристического духа русской нации и убеждения, что новая война, если она будет начата, ничем не будет напоминать бесславную для России Крымскую кампанию.

Именно в этом смысле и была понята и подхвачена адресная кампания М. Н. Катковым. В передовой статье «Московских ведомостей» от 12 апреля кампания характеризовалась как демонстрация единства («Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти») и возможности возвращения к «коренным началам народной жизни».²²

Вообще, участие Каткова в адресной кампании привело к тому, что о ней часто пишут только в связи с «Московскими ведомостями», упоминая еще «Русского инвалида».²³ Между тем в ней участвовало несколько изданий. Набор публикуемых в них писем не совпадал.²⁴ Однако совершенно очевидно, что газета Валуева играла в кампании важнейшую роль, значительное число писем публиковалось впервые именно в «Северной почте». Что касается «Московских ведомостей», то в марте 1863 года в газете Каткова обозначается даже некоторая оппозиция адресной кампании: в передовой статье от 27 марта сообщается о тысячах крестьян, которые «собирались в храмы молиться за упокой русских солдат, убитых в боях против польских мятежников, и молиться о ниспослании успехов русскому оружию. <...> Они собраний не имеют, речей не говорят и адресов никаких не посылают».²⁵ Этот религиозно-патристический порыв, по мысли Каткова, предшествовал появлению всеподданнейшего адреса санкт-петербургского дворянства.

Валуев в примечаниях к своему дневнику специально указывал на то, что связывать кампанию адресов с именем Каткова ошибочно.²⁶

Небывалый подъем патристических чувств Катков планировал использовать для создания народного ополчения.²⁷ Валуев, вероятно, ставил перед собой более амбициозную политическую цель. Речь идет о так называемом «конституционном проекте», предполагавшем введение в России представительного органа власти, нового Государственного совета, прототипа первого русского парламента.²⁸ По существу это была реформа государственного управления, фактически, конечно, не подрывающая основ самодержавия, но чрезвычайно значимая в символическом плане.

²⁰ Там же. С. 169.

²¹ Там же. С. 175.

²² Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. М., 1897. С. 167, 168.

²³ Об участии Каткова и его издания в освещении кампании всеподданнейших адресов см.: Твардовская В. А. Идеология пореформенного содержания: М. Н. Катков и его издания. М., 1978. С. 49–52; Walicki A. The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863 // Polish Encounters, Russian Identity. Bloomington, 2005. P. 89–99; Майорова О. Война и миф: Память о победе над Наполеоном в годы Польского восстания (1863–1864) // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 178–205.

²⁴ Дистрибуция писем между изданиями не была специальным предметом изучения в этой работе.

²⁵ Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. С. 142.

²⁶ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1: 1861–1864. С. 348.

²⁷ Михаил Никифорович Катков и граф Петр Александрович Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Т. 163. Вып. 8. С. 300.

²⁸ Указание на важность польского контекста конституционного проекта Валуева см.: Leslie R. F. Reform and Insurrection in Russian Poland. 1856–1865. London, 1963. P. 184.

Валуевым был подготовлен «Проект нового учреждения Государственного совета», в соответствии с которым при Госсовете учреждался Съезд государственных гласных, в который входили бы представители земства и сословий из всех частей империи, кроме Финляндии и Польши. От столиц и крупных городов были бы отдельные выборные. В общем собрании Государственного совета должны были присутствовать и участвовать в обсуждении и голосовании представители Съезда гласных (в количестве 16 человек).

Этот проект был подан в составе всеподданнейшей записки Валуева 13 апреля 1863 года и обсуждался на заседании Совета министров 15 апреля. Большинство присутствующих высказалось против такой реформы, и Александр II решил, что пока ничего не следует делать.²⁹ Валуев выдвигал аналогичный проект в конце 1863 года, но вновь неудачно.

Какова же связь между патриотической кампанией всеподданнейших писем и реформой государственной власти?

Возможно, патриотическая акция должна была послужить одним из решающих аргументов в пользу реформы государственного управления. Связь между этой кампанией и введением в России представительного органа власти очевидно прослеживается во всеподданнейшей записке Валуева от 13 апреля 1863 года. Вот как Валуев пишет о всеподданнейших адресах: «Вместе с выражением нелицемерной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякие пожертвования к Престолу Вашего Величества возносится полугласная мольба об оказании доверия к Вашему народу, о признании его способным оправдать это доверие, о даровании ему возможности доказать, что он его достоин».³⁰ А что это за возможность, Валуев объясняет далее: «Всемилоштивейший государь. Даруйте любезноверной Вам и Вам вернопреданной России политическое первенство перед крамольною Польшей. Дайте России, на пути развития государственных учреждений, шаг вперед перед Польшей».³¹

Кампания верноподданнических адресов, по замыслу Валуева, должна была продемонстрировать не только патриотический настрой русского народа, но и его политическую зрелость, готовность к участию в современных формах государственного управления: «...я не понимаю противоречия, заключающегося в том, что когда нужны жертвы, преданность, умственный труд или кровь, то мы зрелы и самостоятельны, но когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности, то мы обращаемся в несовершеннолетних и в людей, против которых принимаются дипломатические предосторожности», — писал Валуев в дневнике.³²

Вообще, дневник Валуева, как известно, очень подробный, конечно, мог бы пролить свет на эту историю, но значительная часть записей за интересующий нас период была им уничтожена. Из дневника было вырезано 12 листов, содержащих записи, сделанные в основном в марте и апреле 1863 года. На их месте Валуев сделал вклейку с надписью: «Несколько страниц мною уничтожено, потому что некоторые из заключающихся в них сведений надлежат забвению в интересах России».³³

Неизвестно, имели ли уничтоженные записи непосредственное отношение к истории с всеподданнейшими письмами, но в сохранившихся и опубликованных дневниковых записях эта кампания практически не упоминается, за одним исключением: «13 апреля. Обед у вел. Кн. Елены Павловны с кн. Долгоруковым и гр. Паленом. Она говорит про подносимые государю императору адреса (московские очень хороши), „que leur donnera-t-on? On n'aime pas pour rien“.³⁴ Кн. Долгоруков, который разделяет мои мнения и надеется на успех, отвечал à demi-mots³⁵ и отшучиваясь, что он

²⁹ См. об этом: Валуев П. А. Дневник... Т. 1. С. 218–219.

³⁰ Берманский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Т. 35. № 9. С. 227.

³¹ Там же.

³² Валуев П. А. Дневник... Т. 1. С. 219.

³³ Там же. С. 9, 212.

³⁴ что им дадут? Без причины не любят (фр.).

³⁵ уклончиво (фр.)

сам так думает, qu'on n'aimera point pour rien.³⁶ Он мне говорил, что вел. Кн. Мария Николаевна знает о возложенной на меня работе или, по крайней мере, о том, что мы оба стараемся убедить государя в необходимости заявления своей решимости по предмету предоставления выборным членам Совета участия в делах законодательных и государственно-хозяйственных и что она весьма сему сочувствует».³⁷

Именно это место в дневнике Валужева, как кажется, связывает кампанию всеподданнейших адресов с реформой Государственного совета, а именно с попытками убедить государя в необходимости этой реформы.

Очевидно, что в интриге Валужева важен был не только факт подачи адресов, но и освещение в прессе. И поэтому роль детища министра, газеты «Северная почта», оказалась очень значительна. Среди косвенных бонусов кампании была и возможность валуевской газеты перехватить инициативу обсуждения патриотической повестки у славянофильских изданий. О том, что такая проблема существовала и в ее решении Гончаров активно участвовал, свидетельствует его переписка с Ю. М. Богушевичем.³⁸ Перепечатка материалов из конкурирующих газет часто сопровождалась редакционными предисловиями, в которых корректировались исходные идеологические акценты. Как и в случае с всеподданнейшими письмами, происходила их идейная апроприация и интерпретация патриотического подъема в необходимом Валуву политическом ключе. В написании этих редакционных предисловий, как представляется, принимал участие и Гончаров.³⁹ Что касается кампании патриотических писем, то документальных свидетельств участия в ней Гончарова пока не выявлено, однако трудно предполагать, что главный редактор газеты, сыгравшей столь важную роль в политической игре Валужева, оставался в полном неведении относительно намерений министра внутренних дел.

История с всеподданнейшими письмами показывает, как в эпоху Великих реформ развивалось в России публичное поле и каким важным инструментом его создания были массовые периодические издания. Это история о том, как государственная власть пыталась формировать общественное мнение в России. Валуевские адреса существенно расширили круг людей, создававших политическую повестку, включив в него социальные слои, ранее об этом не помышлявшие. Формируя публичное поле, общественные и государственные деятели, как мы видим в этом случае, могли, апеллируя к нему, пытаться реформировать и систему государственного управления.

Несмотря на то, что кампания всеподданнейших писем, очевидно, проходила под контролем МВД и, вероятно, III Отделения, все-таки этот опыт был признан слишком опасным для государственной власти.

В ежегодном всеподданнейшем отчете III Отделения за 1863 год князь В. А. Долгоруков посвятил кампании патриотических адресов целый раздел под названием «Народный дух». Оценивая единодушное и повсеместное пробуждение патриотизма, он писал: «Но как ни утешительно столь единодушное и повсеместное пробуждение патриотизма, для многих неожиданное, тем не менее, самый способ его проявления вызывает на размышление. Открытое, торжественное выражение народного чувства неоспоримо доказывает, что общественное мнение, до сих пор не существовавшее в России, успело в последние годы образоваться, окрепнуть и теперь сознает свое значение. Пользуясь правом изъявлять сочувствие и одобрение действиям правительства, общество незаметно привыкает к мысли, что ему одинаково принадлежит право высказывать порицание; оно приучается считать свое мнение верховным приговором и вряд ли затруднится произнести его в решительную минуту. Даже в настоящее время похвала одним из государственных деятелей была как бы косвенным осуждением

³⁶ что просто так не полюбят (фр.)

³⁷ Валув П. А. Дневник... Т. 1. С. 217–218.

³⁸ См.: Гончаров И. А. Письма к Ю. М. Богушевичу // Щукинский сборник. М., 1912. Вып. 10. С. 464, 465, 467, 468.

³⁹ См. об этом: Гуськов С. Н. Экономика патриотизма // Складчина. Сборник статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской, А. С. Федотова. М., 2019 (в печати).

других, направление которых не совпадало с народным настроением. Такую привычку нельзя считать безопасной; ибо общество, под влиянием как собственных заблуждений, так еще более внешних подстрекательств, легко может не понимать цели и значения иных правительственных мер, вызываемых иногда государственною необходимостью и прямым благом народа».⁴⁰

Гончаров, главный редактор «Северной почты» в 1863 году, по должности, вероятно, принимавший в этой истории какое-то участие, но не оставивший о ней никаких непосредственных свидетельств, устами автобиографического героя романа «Обрыв» Бориса Райского в 1869 году скажет: «О газетах потише — это Архимедов рычаг: они ворочают миром...».⁴¹ Трудно исключить, что в основе этого суждения был собственный опыт Гончарова, редактора газеты, и в том числе патриотическая кампания всеподданнейших писем, когда «Северная почта» действительно пыталась немного «ворочать миром».

Служба в правительственном издании, как представляется, оказала влияние на последующее творчество Гончарова, в том числе и на корректировку замысла романа «Обрыв». Патриотический финал романа необъясним без учета интеллектуального и служебного опыта Гончарова в 1863 году. Начиная с 1860-х годов изменяется отношение Гончарова к газетному и шире — к публицистическому слову. Корректируются смысловые коннотации самого слова «газета» в гончаровских текстах 1860-х годов и более поздних. Если ранее подчеркивается сиюминутность, кратковременность газетного слова (например, в «Обломове», где герои черпают суждения из третьегодичных газет),⁴² то в 1860-х акцент ставится на распространенности, авторитете и могуществе газеты как средства массовой информации. Тема влияния газет входит в художественные тексты («Обрыв», «Литературный вечер» и др.). Противопоставление художественного и публицистического слова, вечного и сиюминутного, газеты и романа, противопоставление, вообще свойственное Гончарову и являющееся одним из краеугольных камней его эстетики, в «Обрыве» ставится под сомнение.

С изменением отношения к публицистическому слову, как кажется, было связано не только расширение жанрового состава гончаровского творчества, но и определенная эволюция романной формы. Одно из отличий «Обрыва», например, от «Обыкновенной истории» заключается в том, что Гончаров отходит от принципа *«sine ira»* и прямо высказывает свою позицию в шестой главе пятой части романа, той самой, которая вызвала резкую критику некрасовских «Отечественных записок», а потом и других журналов. «Свои взгляды, убеждения и принципы автор „Обрыва“ отстаивал упорно и настойчиво, и в этом смысле творчество его не менее тенденциозно, чем произведения его литературных и политических антагонистов»,⁴³ — писала Л. С. Гейро. В общем, Гончаров, конечно, шел в том же направлении, что и другие русские писатели. Преодоление границ жанра было в 1860-х годах общим трендом, но путь к «новому роману» у каждого из больших русских писателей был индивидуален. Камерный роман Гончарова расширял свои пределы, как мне кажется, не столько благодаря тому, что Гончаров сознательно следовал актуальным тенденциям или подражал другим авторам, а потому что к такому типу письма подводила писателя его собственная деятельность, не ограничивавшаяся только литературой. Языковые стили, идеологические приоритеты, система ценностей, связанная со служебной карьерой Гончарова, — все это, очевидно, оказывало влияние и на его позднее художественное творчество.

⁴⁰ Долгоруков В. А. Нравственно-политическое обозрение за 1863 год // Россия под надзором. Отчеты III Отделения: 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 643.

⁴¹ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 7: Обрыв: Роман в пяти частях. С. 209.

⁴² Там же. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях. С. 137.

⁴³ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...». С. 126.